

Полянский В. Добролюбов Н. А. // Литературная энциклопедия: В 11 т. - [М.], 1929-1939.
Т. 3. - [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. - Стб. 322-339.
<http://www.feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le3/le3-3221.htm>

ДОБРОЛЮБОВ Николай Александрович [1836-1861] - русский критик 60-х годов (псевдонимы: Н. Лайбов, Н.-бов, Н. Турчанинов, Н. Александрович, Н. Л., Н. Д., Н. Т-ов). Р. в Н. Новгороде, в семье небогатого священника, учился в духовном училище и семинарии. Мечтал об университете, но, уступая желанию родителей, поехал в Петербург, в духовную академию, однако совершенно неожиданно поступил на историко-филологический факультет Главного педагогического института. С 1857, после блестящего окончания института, Д. становится постоянным сотрудником журнала "Современник" (см.). "Бедное полуголодное ученье; потом четыре года лихорадочного неутомимого труда и, наконец, год, проведенный в предчувствиях смерти, вот и вся биография", - сказал Некрасов над могилой своего друга. Действительно, внешними событиями жизнь Добролюбова небогата, она глубока и поучительна своим внутренним содержанием.

В семинарии Д. был хорошим богословом, глубоко религиозным человеком, но уже в 18 лет он политически созревает, воспитывая в себе ненависть ко всему, что стоит на пути прогресса, что поддерживает рабство духа, порабощение страны. От православия Д. пришел к левому гегельянству, к Фейербаху; из защитника консервативной законности и безответности он вырос в стойкого, последовательного писателя-революционера. В письме к Лаврскому [1856] он так и пишет: "В продолжение двух лет я все воевал со старыми врагами, внутренними и внешними. Вышел на бой без заносчивости, но и без трусости, - гордо и спокойно. Взглянул я в лицо моей этой загадочной жизни и увидел, что она совсем не то, о чем твердили о. Паисий и преосвященный Иеремия. Нужно было идти против прежних понятий и против тех, кто внушал их... Я пошел сначала робко, осторожно, потом смелее, и, наконец, перед моим холодным упорством склонились и пылкие мечты и горячие враги мои. Говорят, что мой путь смелой правды приведет меня когда-нибудь к гибели. Это очень может быть, но я сумею погибнуть не даром". Такой резкий перелом и за такое короткое время, естественно, возможен только при величайшем напряжении внутренней жизни, мысли и чувства.

Д. умер 25 лет. Несмотря на такую молодость, он уже четыре года стоял во главе русской литературы. Идя по пути Белинского, Д. ясно осознал процесс экономического и политического развития России, значение буржуазных революций, сущность утопического социализма, роль в историческом движении угнетенных народных масс, поднявшись до понимания, хотя и не вполне отчетливого, классовой борьбы как двигателя истории. Считая себя учеником Чернышевского, Д. был вполне самостоятельным мыслителем, в отдельных исторических вопросах он занимал более верные позиции. Мы не говорим о другом блестящем его современнике - Писареве, который, несмотря на все свое громаднейшее влияние, уступал Д. в ясности и последовательности философских и политических взглядов.

Стремление к глубокому знанию Д. обнаружил с ранних лет. Читал он много и упорно, в Институте полки в его шкафу ломались от книг. Д. изучал Руссо, Прудона, Бруно Бауэра, Фейербаха, Белинского, Герцена, следил за "Отечественными записками" и "Современником", зачитываясь в нем статьями Чернышевского. Любовь к литературе и журналистике Д. проявил также очень рано. 14 лет он издает семинарский журнал "Ахинея", в к-ром было три отдела: словесность, критика и наука.

В то же время он пробует, но без успеха, печатать свои стихи в "Нижегородских губернских ведомостях", "Москвитянине" и "Сыне отечества". В Институте под руководством слависта Срезневского Д. с особым увлечением изучает словесность. Около будущего критика, выделявшегося большой начитанностью, смелостью и силой мысли, своим высоким нравственным обликом, сложился кружок, "добролюбовская партия". Не считаясь с репрессиями начальства, кружок под видом лит-ых течений изучал социальные проблемы. В 1855 Д. издает рукописную газету "Слухи", позже "Сплетни". Он хотел объединить вокруг газеты своих единомышленников и выявить свое революционное мировоззрение. Из 19 вышедших номеров, по утверждению Лемке, Д. написал сам четырнадцать. Указывая, что "наука русская все еще мертва, не полна, не крепка", что она "имеет дело только с официальными фактами, с тем, что заносится в акты", Д. спрашивает: "Так наз. мнение не есть ли выражение духа, направления и понятий народных в ту или другую эпоху?" И отвечает: "Чем более подслушаем мы таких откровенных рассуждений, рассказов, отдельных мыслей и впечатлений, тем яснее нам будет истинный дух народа, тем понятнее будут его стремления, его чувства, тем полнее и осязательнее представится нам картина народной жизни... Может быть собранные нами слухи приведут умного человека к открытию какой-нибудь хронической болезни в русском народе, может быть и позднейший враг заглянет в нашу газету, в которой должна отразиться современная нам эпоха". Призывая к собиранию материала, Д. предупреждает, что дело, которое он начинает, "легкое само по себе, становится трудным и даже опасным по своим последствиям". Оно действительно было опасно, т. к. Д. зло и беспощадно бичевал